

ГЛАВА 2

Красота без причин

В холмистых дождевых лесах Малайского полуострова, Суматры и Борнео обитает одно из наиболее выдающихся с эстетической точки зрения животных на всей планете — фазан-аргус (*Argusianus grayi*), которого Дарвин упомянул как «хороший пример того, что наиболее утонченная красота может служить половым очарованием и ни для какой другой цели»⁵³.

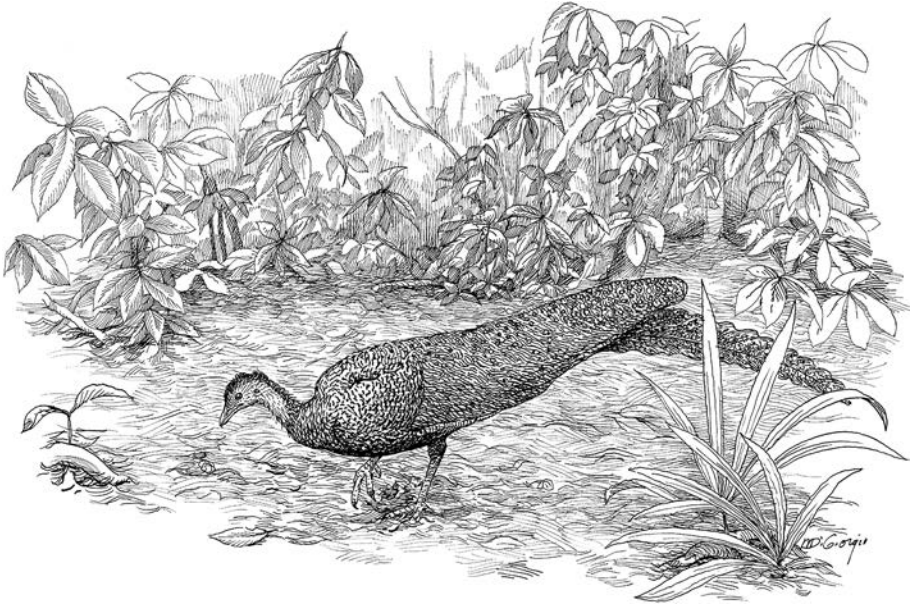
Самка аргуса — крупная, плотная, с тускловатым оперением маскирующей окраски, которое тем не менее покрыто сложным извилистым узором из шоколадно-коричневых, каштановых, черных и охристых завитков. Ноги у нее ярко-красные, а сквозь редкие перья на передней части головы просвечивает синевато-серая кожа. Самец аргуса, на первый взгляд, отличается от самки главным образом сильно удлинненными перьями крыльев и хвоста, которые тянутся позади него более чем на ярд. В целом длина тела самца аргуса от кончика клюва до кончика хвоста составляет около шести футов. Но если оставить в стороне длину, оперение самца кажется весьма похожим на неброский наряд самки и особенно сильного впечатления не производит. Его истинное очарование остается скрытым и обнаруживает себя лишь в самые ответственные моменты ухаживания за самкой, которые за пределами зоопарков посчастливилось наблюдать лишь очень и очень немногим людям.

Увидеть аргуса в природе крайне трудно. Эти птицы чрезвычайно осторожны и скрываются в лесу при первых же признаках приближения человека. Известный орнитолог и страстный любитель фазанов Уильям Биб в начале XX века был одним из первых исследователей, кому довелось увидеть брачную демонстрацию аргуса в природе. Биб был куратором Нью-Йоркского зоологического общества, который впоследствии снискал себе всемирную

известность в связи с его исследованиями океанских глубин с использованием батисферы — примитивного устройства для глубоководных погружений. Своего первого аргуса-самца Биб увидел на Борнео, когда тот вышел на илистый пригорок, чтобы попить из лужицы дождевой воды, скопившейся на месте лежки дикого кабана. Эту первую встречу с аргусом Биб описал в вышедшей в 1922 году «Монографии о фазанах» в самых восторженных выражениях, как нельзя лучше отражающих торжество гордого своим успехом бердвотчера и авантюриста-американца времен расцвета колониальной эры: «При всей мимолетности этого зрелища я испытал чувство своего великого превосходства над моими белыми собратьями по всему миру, которым не довелось видеть аргуса в его природном обиталище».

Как это характерно для большинства птиц выдающихся эстетических качеств, аргусы — полигинный вид, то есть их самцы спариваются со многими самками. Однако при этом множественное спаривание создает конкуренцию между самцами за привлечение самок. Некоторые самцы, обладающие высокой привлекательностью, очень успешны в размножении, тогда как остальные никакого успеха не имеют. Результатом этого является строгий половой отбор по любым декоративным признакам, которым самки отдают предпочтение. После того как самка выберет себе партнера, для самца всякое участие в процессе размножении завершается, и он больше не играет никакой роли ни в жизни самок, ни в выращивании потомства. Самка полностью берет на себя строительство наземного гнезда из листьев, насиживание кладки из двух яиц, защиту птенцов и заботу об их и собственном пропитании, которое обеспечивается сбором в лесной подстилке плодов и насекомых. Самцы аргусов, равно как и самки, летают очень неохотно и в случае угрозы обычно спасаются, убегая по земле. Тем не менее на ночь они устраиваются, взлетая на какой-нибудь невысокий насест, — исключение составляют насиживающие самки, которые ночуют прямо на гнезде.

Самец аргуса ведет строго одиночный, холостяцкий образ жизни. Для создания достаточно большой и чистой «сцены», где будут совершаться его замечательные брачные демонстрации, он расчищает в подлеске участок земли шириной от четырех до шести ярдов, обнажая его до грунта. Выбрав подходящее место, часто на каком-нибудь гребне или на вершине лесистого холма, он прилежно собирает клювом все листья, корешки и веточки и выносит их к краю расчищаемой площадки.

Самец аргуса за обустройством площадки для ритуала ухаживания

Подобно современным дворникам, поголовно вооруженным воздуходунами (только что без наушников), он также использует свои длинные перья на крыльях для сдувания палой листвы: ритмично взмахивая ими, он удаляет с площадки весь растительный мусор, пока не останется одна лишь голая земля. Потом он выдергивает клювом все живые травинки и тоненькие лианы. После этого площадка полностью готова, и теперь нужно только одно — чтобы ее посетила самка.

Для привлечения зрителей самец аргуса издает со своей площадки брачный зов, слышимый обычно ранним утром или вечером, а также в лунные ночи. Этот зов представляет собой громкий, навязчивый крик в две ноты, который можно передать как *куау-уау*. В некоторых частях Юго-Восточной Азии этот звук лег в основу местных названий птицы — например, *куау* в Малайзии или *куаоу* на Суматре. Крик самца достаточно громок и пронзителен, чтобы быть слышимым на большом расстоянии. Поскольку сами птицы очень скрытны, чаще всего этот крик — единственное свидетельство существования аргуса в лесу, которое доступно человеку.

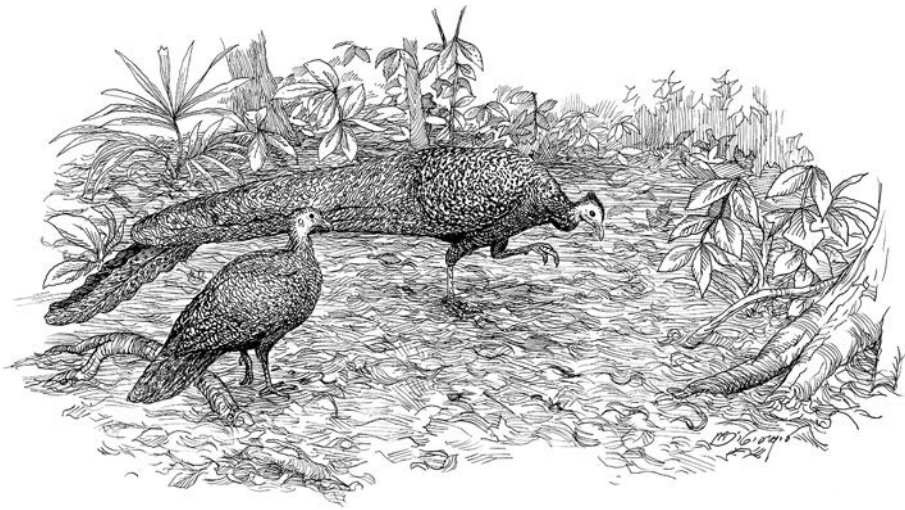
Несколько лет назад я провел пять дней на исследовательской станции в заповеднике Данум Вэлли в северной части Борнео, где водится аргус. Как-то раз, ближе к вечеру, мы брели по сильно заросшей лесной тропе

вдоль речки, и я вдруг услышал громкое *куау-уау* самца аргуса — точно-точно как описывал Биб. Крик был такой громкий, что я решил, будто птица находится совсем рядом — за следующим поворотом тропы, и замер в восторженном предвкушении. Впрочем, скоро я сообразил, что аргус кричал с большого расстояния, причем *по другую сторону* реки. И даже если бы самец продолжал кричать, мы все равно не успели бы добраться до него до наступления темноты. И даже если бы нам посчастливилось выследить его до самой площадки, при нашем приближении он наверняка сразу умолк бы и незаметно скрылся в окружающем подлеске. Вынужденный довольствоваться лишь искушающим эхом крика, доказывающим, что аргус здесь все же обитает, я мог только воображать, какой экстаз испытал Биб, увидев эту поразительную птицу.

Когда же в тот вечер мы наконец вернулись на станцию, проведя весь день, с самых предрассветных сумерек, за наблюдениями птиц в кишачем пиявками лесу, нам встретился французский художник, друг одного из исследователей, работавших на станции. По его собственным словам, он приехал сюда, чтобы «писать тропический лес». Заметив нас, он мимоходом поинтересовался, не подскажем ли мы ему, что за необычную птицу он видел, когда уже довольно поздним утром прогуливался в окрестностях станции. После чего он с невинной беспечностью принялся описывать большую птицу, похожую на курицу, примерно в пару метров длиной, которая перебежала через грунтовую дорогу в каких-нибудь трехстах ярдах от усадьбы заповедника. После того как я несколько дней впустую топтал окрестные леса, не увидев этой птицы даже мельком, а он увидел ее, не прикладывая к тому ни малейших стараний и даже не оценив своего везения, я едва сумел сдержать лютую зависть к его совершенно незаслуженной удаче. И почесывая зудящие пиявочные укусы, я в полной мере испытал чувства, противоположные «великому превосходству» Биба, и только вполголоса клял богов — покровителей бердвотчеров.

Если даже мельком увидеть аргуса в дикой природе оказывается крайне сложной задачей, то чтобы понаблюдать за тем, что именно самец аргуса выделяет со своими длинными перьями хвоста и крыльев во время ритуала ухаживания, требуются тщательные приготовления, а также готовность к длительным и весьма тяжелым испытаниям. Уильям Биб сначала пытался подсматривать за аргусом из небольшой палатки, воздвигнутой неподалеку от площадки, а затем из укрытия, устроенного на дереве над

ней, но обе попытки оказались безуспешными. Наконец, он заставил своего помощника вырыть в земле глубокий окоп позади большого досковидного корня дерева, расположенного рядом с площадкой самца. В этом окопе, прикрытом сверху ветками, он сидел днями напролет около недели, пока наконец не стал свидетелем того, как самец исполнил на его глазах полный ритуал ухаживания за посетившей его площадку самкой. И при этом Биб еще легко отделался! Пять лет спустя орнитолог Джеффри Дэвисон провел в общей сложности 191 день на протяжении трех лет, наблюдая за самцами аргуса в Малайзии⁵⁴. И за все семьсот часов наблюдений Дэвисон увидел посещение самца самкой *всего один раз*. По трудозатратам это равно более чем полугодовой работе при сорокачасовой рабочей неделе. Стоит ли говорить, что только очень немногим людям хватает на это терпения, поэтому неудивительно, что большая часть сведений о поведении аргусов собрана в ходе наблюдений в условиях неволи⁵⁵.

Ритуальные прохаживания самца аргуса

Итак, вот что происходит, когда самка аргуса является на площадку самца. Самец начинает свой ритуал ухаживания с нескольких подготовительных демонстраций, включающих ритуальное склевывание с земли и медленное, нарочитое прохаживание с демонстрацией ярко-красных ног. Затем он начинает бегать вокруг самки, описывая широкие круги и поднимая крылья под таким углом, что самке видна их верхняя сторона. Затем, без всякого

предупреждения, в момент, когда он находится всего в одном или двух футах от самки, самец вдруг принимает очень необычную позу, демонстрирующую немислимо сложный и прихотливый узор на его четырехфутовых маховых перьях. С необъяснимой сдержанностью биологи назвали эту позу «фронтальным движением»: самец склоняется перед самкой, выворачивая свои узорчатые перья так, что они образуют большую воронку, края которой прикрывают его голову сверху и частично окружают самку. В 1926 году голландский исследователь, один из основоположников науки о поведении животных, Йохан Беренс де Хаан сравнил эту «воронку» аргуса с зонтиком, вывернутым в другую сторону сильным порывом ветра⁵⁶.

В этой невероятной позе самец подсовывает голову под одно из крыльев и поглядывает на самку через щель между перьями на запястной части крыла, следя за ее реакцией. Ярко-синяя кожа, окружающая крохотный черный глаз самца, видна самке только в эту щель в его вывернутых крыльях. Кроме того, во время демонстрации позы самец приседает, выставляя одну ногу перед другой, как спринтер на стартовых колодках. Склоняясь перед самкой, он приподнимает заднюю часть тела, задирает вверх длинные хвостовые перья и ритмично покачивает ими вверх-вниз, так что самка может время от времени видеть, как они мелькают над воронкой из маховых перьев или в просвете, который иногда открывается между правым и левым крылом. Верхняя часть воронки из маховых перьев покачивается над головой самки, как портативный мини-амфитеатр. Самец еще несколько раз потряхивает этой перьевой воронкой мелкими ритмичными движениями общей продолжительностью от двух до пятнадцати секунд, а потом вновь принимает «нормальную» форму и возобновляет ритуальное клевание с земли, прежде чем через несколько секунд повторить свою демонстрацию.

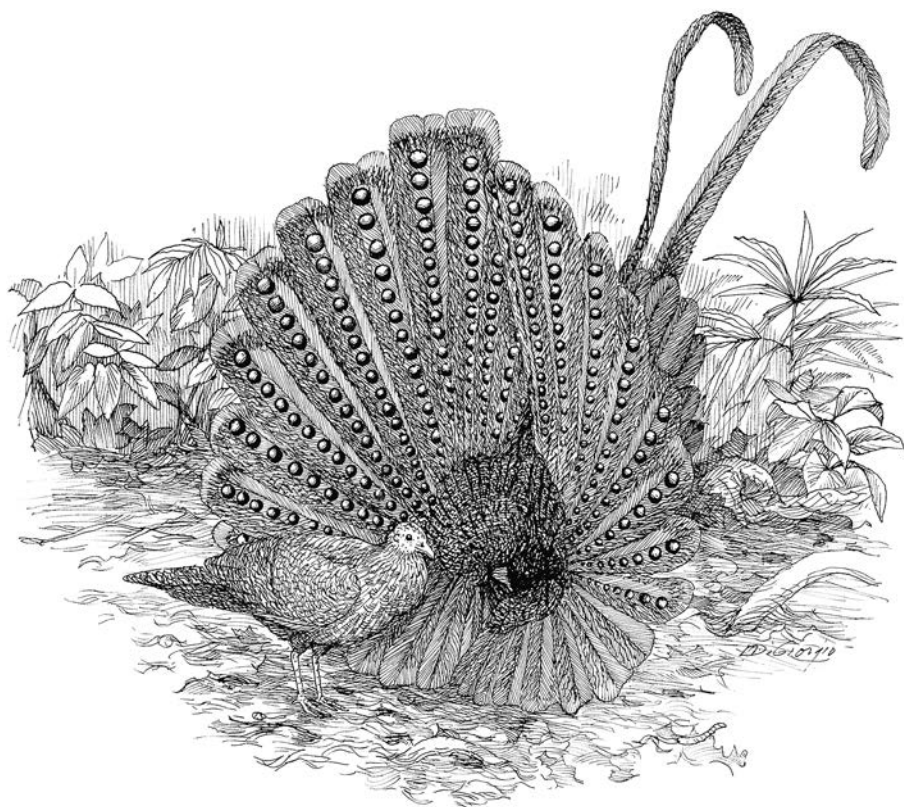
До сих пор в этом описании зрелищной демонстрации самца при всей ее драматичности не было сказано о действительно *самой* примечательной особенности «фронтального движения» аргуса — а именно о невероятной расцветке его маховых перьев. Принимая позу «вывернутого зонтика», самец демонстрирует верхние стороны маховых перьев, которые при сложенном крыле прикрыты и не видны. Внезапное преображение этого невыразительного в обычных условиях оперения поражает до глубины души. Хотя цвета, в которые окрашены маховые перья аргуса, в целом составляют неяркую палитру черного, темно-коричневого, красно-коричневого, золотисто-коричневого, охристого, белого и серого оттенков, тем не менее они собраны в необычайно тонкий и сложный узор, какого, пожалуй, не найти ни у одного

другого живого существа на Земле. От крохотных, меньше миллиметра, точек на каждом отдельном перье до общего рисунка, который складывается на полностью расправленной четырехфутовой перьевой воронке, все сорок маховых перьев аргуса рождает цветной орнамент такого немислимого совершенства, на фоне которого полностью меркнет даже прославленный хвост павлина (цветная иллюстрация 3). На мой взгляд, в природе нет вообще ничего, что могло бы соперничать с фантастической сложностью этого узора.

Каждое отдельное перо несет на себе все разнообразие естественных рисунков — начиная с тех, которые украшают шкуру зебры или леопарда, и заканчивая пестротой коралловых рыбок, стайки бабочек или клумбы с орхидеями. Общая картина при этом не уступает прихотливости восточных мотивов персидского ковра. На каждом маховом перье участки с узором из точек, полос или извилистых разводов соседствуют в таких изумительных сочетаниях, что даже одному этому можно было бы посвятить отдельную монографию.

Наиболее короткие первостепенные маховые перья, которые крепятся к костям пальцев и кисти в конечной части птичьего крыла, образуют нижнюю половину воронки. Эти перья имеют темные стержни, светло-серые кончики, а большая часть опахала окрашена в различные оттенки желто-коричневого цвета с прихотливо рассеянными по нему коричневыми или красно-коричневыми пятнышками с крохотными белыми точками. Однако наиболее выдающийся рисунок имеют второстепенные маховые перья, которые крепятся к задней части предплечья, а именно к локтевой кости; эти перья образуют верхнюю половину воронки. Длина каждого второстепенного махового пера составляет более трех футов, а ширина вблизи вершины опахала — около шести дюймов. Центральная ось пера, его стержень, или рахис, имеет ярко-белый цвет и делит опахало на две половинки, каждая из которых украшена различным образом. Внутренние части опахала имеют градиентный серый фон с рисунком из черных точек. На внешней части опахала каждого пера неровный сетчатый рисунок темно-коричневого и светло-охристого оттенков (который создает превосходный камуфляж, когда птица держит крылья сложенными) переходит в волнистый узор из охристых и черных полосок. А вдоль стержня по наружной части опахала тянется ряд очень выразительных золотистых желтовато-коричневых округлых пятен с черным окаймлением (цветная иллюстрация 4). Именно из-за этих пятен, которые принято называть «глазками», аргус и получил свое название. В 1766 году Карл Линней назвал этого фазана в честь всевидящего стоголазого великана Аргуса Панопта из греческой мифологии. Правда, «глаз» у аргуса в три раза больше, чем у его мифического «тезки»!

По каждому из второстепенных маховых перьев тянется ряд, насчитывающий от двенадцати до двадцати этих прекрасных золотистых сфер. Я называю округлые пятна-глазки «сферами», потому что благодаря тончайшей игре светотени, словно созданной искусной кистью живописца, возникает поразительно реалистичная иллюзия их трехмерности. Золотисто-охристый цвет в центре сферы оттенен снизу, как тушевкой, размытым черным контуром, рождающим ощущение отбрасываемой тени. С противоположного края глазка золотисто-желтый цвет переходит в яркий белый полумесяц, очень похожий на зеркальный блик, возникающий, например, на выпуклой глянцевитой поверхности яблока.

Слева — «золотистые сферы» на второстепенных маховых перьях самца аргуса постепенно увеличиваются в размерах по направлению к вершине опахала.

Справа — за счет иллюзии принудительной перспективы все сферы кажутся примерно одного размера, если смотреть на них под определенным углом зрения, близким к углу зрения самки во время брачной демонстрации аргуса